

ИДЕЙНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (в том числе Чеченской)

IDEOLOGICAL AND EDUCATIONAL AND EDUCATIONAL FEATURES OF RUSSIAN AND NORTH CAUCASIAN LITERATURE (including Chechen)

Z. Chukueva

Annotation

This article deals with the spiritual and educational duties of literature, which has an opportunity to achieve fruitfully not only by imaginative, purely artistic, but also by more stringent, event-chronical texts. The universally recognized tragedy of the modern event is that the worldview of the new generation has partially lost and continues to lose its spiritual and moral priorities. At the same time, in the first half of the century, the military-patriotic theme matures both in the genre of the Soviet historical poem and poetic drama. All this testifies to the enormous, unquenchable spiritual and moral charge of all literature about the Great Patriotic War. They achieve unprecedented flowering in publicist and a sketch during the war, which turns out to be due primarily to the increased social and pedagogical role of domestic prose.

Keywords: event-chronicle texts, literature, historical poems, ideology, chronicle epic, spiritual education.

Чукуева Зарема Нажмудиновна

К.филол.н., доцент,

Чеченский государственный

педагогический университет

Аннотация

В данной статье говорится о духовно-воспитательных обязанностях литературы, которая имеет возможность к плодотворному достижению цели не только образными, чисто художественными, но и более строгими, событийно-хроникальными текстами. Общеизвестная трагичность современного социального события состоит в том, что мировосприятие поколения нового века частично утратило и продолжает терять духовно-нравственные приоритеты. При этом в первой половине века военно-патриотическая тема созревает и в жанре советской исторической поэмы и поэтической драмы. Все это свидетельствует об огромном, неугасающем духовно-нравственном заряде всей литературы о Великой Отечественной войне. Невиданного расцвета во время войны добиваются публицистика и очерк, что обусловлено преимущественно усилившейся социально-педагогической функцией отечественной прозы.

Ключевые слова:

Событийно-хроникальные тексты, литература, исторические поэмы, идеология, хроникальная эпика, духовное воспитание.

На протяжении утверждения нового советского режима, по мере развития нового советского художественного метода (социалистического реализма), в ходе созревания социальных категорий и резкой персонификации развитого сомнения влияние идеологических, частично этических, частично невыполнимых или агитационных аргументов на натуральное начало личности непрестанно усиливается. Это можно связать с тем, что центральный напор советской литературы на имевшихся стадиях реально являл литературу массовую, вернее, массово-агитационную.

По мнению психоаналитика Л.С. Выготского, подтверждающего неизменность вечных ценностей, "если взглянуть на искусство с точки зрения психоанализа, сделается совершенно непонятным историческое развитие искусства, изменение его социальных функций, потому что с этой точки зрения искусство всегда и постоянно, от своего начала и до наших дней, служило выражением самых древних и консервативных инстинктов" [1; 97]. Та-

ким образом, требование забыть прошлое, такой раскол практически подразумевал стремление установленного строя и его сторонников к единоличному и однообразному разъяснению общественного бытия, то есть как предреволюционного прошедшего, так и наступившего тогда текущего момента.

Вследствие усилившегося интереса послереволюционных писателей к вопросам идейного бытия советского социума, к проблемам нравственности, сюжетные узлы произведений начали становиться более основательными и мощными, чем во многих созданиях предыдущих периодов. Идеологическое значение имели и исторические личности (в т.ч. святые), рисуемые в уже упоминавшихся нами "житийных биографиях" данного периода. В издании 20-х гг. о Преподобном Сергии Б.К.Зайцев базировался на бытовых и хроникальных ключах, при этом его взгляд на отображение бытия священика основательно разнился со взглядами более ранних авторов. Как заявляет об этом Е. Пономарев, "Труд Б.К. Зайцева – та самая лам-

пада, которая еще теплится в памяти эмиграции" [2; 89]. В предисловии к своей книге сам Б.К. Зайцев говорит: "Как святой, Сергей одинаково велик для всякого. Подвиг его всечеловечен. Но для русского в нем есть как раз и нас волнующее: глубокое созвучие народу, великая типичность – сочетание в одном рассеянных черт русских" [3; 54]. Идеологической функции здесь способствует также использование в манере выражения своеобразных художественных средств: возможно активное комбинирование стремительных порывов и архивных выражений, типичных для духовного слога, с модернизационной сжатостью сочетания, с учащенным использованием простых грамматических конструкций.

В последующие после революции годы модификация всей сферы исторического, компоновка сюжетообразующего материала, интерпретация поведенческих стимулов эпохальных персон практически полностью продиктовывается установлениями режима основополагающим двигателем грез и мишеней выступала Коммунистическая Партия Советского Союза. По сути она создавала "иностранную", внелюдскую действительность, удаляющую представителя общества и разнообразные принадлежащие ему элементы человеческого бытия. При этом в первой половине века военно-патриотическая тема (вследствие сборов, проводимых государством, особенности его юным представителем, накануне предстоящей серьезной войны) созревает и в жанре советской исторической поэмы и поэтической драмы, а также в конкретной исторической пьесе (И. Сельвинский, К. Симонов). Задумки в костяке фабул и персонажей советского времени покоились якобы ясные, гуманные, политически тактичные сюжеты. Поэтому перемену в производимых авторами текстах есть возможность отметить на некоторых переменах и преобразованиях, выдаваемых властной политикой. В частности, публицистику Н. Островского являет собой его роман "Как закалялась сталь", из коего удалили изображенные писателем будни, фабулу и эпизоды, нравы и деяния, житейские компоненты и сжатые, но емкие психологические волнения. По сути, остался "Как закалялась сталь" без центрального героя Павла Корчагина в виде обнаженного, идейно-оснащенного остова.

Современные исследователи идеологической мотивации начала прошлого века уверенно находят "мертвизну и схоластичность этой схемы, ее содержательную бедность, догматизм и примитивизм идей. Идеология романа не выдержала испытания временем" [4; 352]. Однако, несмотря на подобную несостоятельность, государственно-управленческую и усиленно патриотическую установки хронологической эпике помимо печатной продукции продолжает и видео-творчество: кино ("Александр Невский" и "Иван Грозный" Эйзенштейна, многочисленные фильмы-биографии), театр (драматическая диалогия А.Н. Толстого о Грозном), живопись.

Данное высоко-социальное сознание утверждает сепаратистский узор основополагающих идеологических фабул, строение нравов и внешние свойства персонажей

хроникальной литературы 30–х гг. XX в., по аналогии с тем, как это делалось с прозой тех лет о революции и революционной эпохе. Внешний лик исторической поры разнился непосредственно с данной порой, воспринимающему представляли легенду, а не фактически закрепленный концентрационный лагерь. Однако все, что живущим в ту пору представлялось недоработанным, необъединенным, персональным, ничтожным, все это лишь усилило собственную ценность и ее целостность. Все это выступило в качестве документа той поры, в качестве активного рупора поры, в качестве ее гуманной весомости.

Такого рода истина порой оказывалась мрачной и малопризывательной. В обладающих фактами картинах массовый читатель поглощает ход возникновения могучей военной страны (СССР) в его переломных точках, на стадиях подготовки и сбора. В результате советский автор аргументировал и разделил советский культ, являющий собой доскональное вооружение коммунистической религии, оказавшись наравне с бессмертными ленинскими останками и диковинами, создаваемыми божественным Сталиным, стержневым компонентом советского вероисповедания. Здесь происходит упрочение державного единства страны, в бессердечных проверках, пробах, прежде всего военных, и в ключевых правящих фигурах (особах царей, полководцев и лидеров из народа). Как утверждает по поводу идеологизированности творчества Н. Островского современный ученый И. Кондаков, "Островский – при всей своей внешней исключительности – и в самом деле типическое, закономерное явление ранней советской эпохи, порожденное и сформированное советской властью и правящей коммунистической партией, включая "плановость" духовного производства, партийность поведения и мышления, утилитарность интеллектуальных и художественных усилий писателя, последовательную идеологическую заданность творчества, энтузиастическую самоотверженность личности перед лицом грандиозных всенародных и интернациональных революционных задач" [4; 350]. Таким образом обозначается наиболее обобщенная общественно-идейная граница хроникальной прозы 1930–х гг. и грядущих военных испытаний.

Процесс идеологизации советского общества особенно наглядно представлен в прозе 40–50–х гг. Одной из специфических черт хроникальной эпике послевоенного времени является углубление его идеологическо-проблемного охвата. Доблесть соотечественника, вопросы военного мастерства, личные впечатления бойца являются собой центральный смысл завоевавшего тогда массовое признание романа А. Степанова "Порт-Артур" (1940 – 1944), повествующего об истории обороны и о факте сдачи дальневосточной русской цитадели в русско-японскую войну 1904 – 1905 гг. Сводя воедино обыденную будничность коллективного существования и мощь невиданного хронологического изменения в существовании государства и планеты, такие произведения оказывались в первой половине прошлого века направ-

лены в бытие и понимались как писателями, так и читателями не в качестве литературы, а в качестве обязывающей каждого легенды, фактически в роли общенационального фатума. Ключевой мыслью произведения выступает не исторический факт общенационального противостояния, несущего в себе множество сражений и массу пролитой крови, а мысль В.И. Ленина о том, что в войне с Японией "не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению" [5; 432].

Исполняемые наряду с идеологизацией поколений духовно-воспитательные обязанности литературы имеют возможность к плодотворному достижению не только разными, чисто художественными, но и более строгими, событийно-хроникальными текстами. Общепризнанная трагичность современного социального события состоит в том, что мировосприятие поколения нового века частично утратило и продолжает терять духовно-нравственные приоритеты.

Направляя личность на то, чтобы сориентироваться в гуще сведений, в непростых вопросах бытия, художественная документалистика добивается задач общественной помощи. Здесь сосуществуют два качества – реакция на скоротечность минующих социум обстоятельств и устойчивость возможного идейно-педагогического влияния.

Весьма закономерно, что у данного сегодняшнего поколения складываются неосознанные духовные общественно-потребительские конструкции, разбиваются морально-этические и культурные убеждения, отсутствует стремление к продуктивной творческой работе, неизменная уверенность в обязательном поражении сил зла под натиском добра и правды.

Писатель необходимо причастен к внехудожественной реальности и объективно участвует в ней своими произведениями. Причем его ответственность закономерна с двух сторон – и перед искусством, и перед жизнью. Ему, по словам М.М. Бахтина, нужен предмет (найденный, но не выдуманный герой), важно чувствовать "другое сознание", обладать "художественной добротой": литературное произведение осуществляется в "ценностном контексте". Причастность автора "событию жизни", утверждает ученый, составляет сферу его ответственности [6] и в этом своем утверждении М.М. Бахтин уверенно переключается с Гёте в том, что оптимальным основанием является акт, непременно бытийная энергичность, а отнюдь не постижение. Данное воззрение Гёте сформировалось еще в период "Бури и натиска" и наиболее живописно формулирование приобрело в "Пра-Фаусте", однако он сберег его до собственного ухода в мир иной. Персонажи, прототипами которых нередко оказывались действительные свидетели катаклизмов, посвящали бытие победе, понимая, что в вечном существовании нации получают индивидуальное бессмертие. И потому (в унисон с Гёте) создатель способен оказаться мастером, ведущим линию естества.

К примеру, в "житийных биографиях" 30 – 50-х гг. Б.К.

Зайцева литературный термин В.Г. Белинского "типичность" абсолютно не стандартно совмещается с эпитетом "великий", используемым для определения миссии священника.

Оказывающие воспитательное воздействие выносливость, храбрость, убежденность свойственны и в последующие десятилетия, к примеру, оптимальным персонажам Ф. Гладкова (произведения 50-х гг.). Ключевой проблемой, каковую пошагово и нацеленно разрешает проза составляет развитие и усугубление формирования персонажей. Они уверены, что истина бессмертна, как бессмертны и национальные грезы о свободе ("Ведь, воля – то сама в народе живет"). Существенным ингредиентом текста делается анализ бытия, определяющий смысл случающегося, транслирующий авторскую мысль на современные ему массы. У Ф. Гладкова поэзия национального противостояния совмещается с лирикой отечественного пейзажа, с лирикой родного слога, певучей, точной, выразительной, каковую мастерски применяет писатель. Задача воспитания и образования делается основополагающей. Желая поделиться имеющимися у них памятными и документальными данными, подобного рода авторы, миновав бои, посетив за границу, прибывали и в отечественные институтские залы. Доставляемый ими мотив раздолья и напряженный тонус сочетались в разумах и душах слушателей с их личным повседневным знанием, со своими надеждами и потенциальными чувствами.

В качестве примера для 40-х гг. можно упомянуть то, как Б. Галин в уже упоминавшихся очерках обрисовывает воссоздание разломанного госимущества, представляя его в качестве коммунистического течения, неизменно влияющего на становление идеологического разума советских масс. Либо в повести "Вольница" (1950) Ф. Гладкова имеют место такие сюжетобразующие линии, как: противостояние деревенского трудящегося лагеря с угнетающим их торговцем, всенародное провозглашение революционного воззвания дома у одного из героев, режиссура другого персонажа над театральной драмой о Степане Разине, забастовка промышленных рабочих, приведшая к их победе, завершившаяся их успехом. Все данные линии составляют собой комплекс фактов, раскрывающих перед взрослеющим подростком Федей имеющуюся мощь трудового коллектива. Подросток загорается свободным позывом гвардии. Он уже понимает в настоящая момент, что народ в состоянии защищать собственные интересы.

Перейдем далее в контексте образов событийно-хроникальной прозы к рассмотрению типов действующих идеологов в северокавказских (в том числе в чеченской) литературах, не всегда воюющих, но не менее частых и активных в рассматриваемой жанровой категории. Частая тогда тема противостояния религии в публицистических и художественных творениях мотивируется энергично осуществляемыми в то время советской властью актами по устранению малограмотности, по совершенствованию

письма. Вещественным доказательством сказанного служит и рассказ С. Бадиева "Имран" (1926), в котором стержневым персонажем оказывается служитель мечети. Родственное продолжение проблемы просматривается и в трудах известного исследователя северокавказского устного народного творчества И. Эльдарханова.

В ходе раскрытия общественно-политического героя, носителя идей того времени в прозе 30 – 50-х гг. главная роль отводилась выявлению его патриотизма, неустрашимости, выносливости. Аналогичные сложности в процессе авторского созидания лицами, относящимися к различным литературам, демонстрировали идентичные отрицательные течения, проводимые тогдашним советским строем, включающие частичное усложнение сути всенепременного соцреализма с символической, упрощенной интерпретацией тематики схематичного. В этом плане на развитие национальной литературы немалое воздействие оказал опыт русской советской литературы, особенно первые произведения данной тематики: "Счастье" П. Павленко, "Далеко от Москвы" В. Ажаева, "Кавалер золотой звезды" С. Бабаевского, "От всего сердца" Е. Мальцева, "Марья" Г. Мединского, "Жатва" Г. Николаевой и другие. Северокавказские литературы времен Великой Отечественной войны отличаются, прежде всего творениями малой эпики. Схематичность в разрешении общественно-политических и этических проблем оказывала влияние и в этот период на выработку сюжетных линий. Однако со временем от героизма военного отечественная проза 40 – 50-х годов переходит на изображение истоков героизма трудового, так называемого "социалистического".

Если в предвоенной литературе главное внимание уделялось военным командирам и руководящим хозяйственным работникам, то теперь в литературу приходит множество героев, выполняющих обычную, "черную",

но действительно великую по значимости работу.

Злободневные и актуальные публицистические труды Ислама Хубиева на русском и карачаевском языках обнаруживали оживленные трудности данного периода, во главу угла выводились обязательное становление в новейшем мироустройстве нового массового мышления, всенациональное общее направление, значение международной стратегии государства.

В целом, в рассмотренной отечественной событийно-хроникальной литературе всего прошлого века в полной мере проявляется выявленная нами в теоретической части жанровая специфичность художественного документализма. Такие его признаки, как фактичность, возможность интерпретации и достоверность в полном объеме присутствуют и в отечественных произведениях досоветской, советской и постсоветской литературы. Непременно активный в данном случае автор (как от себя, так и со стороны), пользуясь имеющимся спектром художественных средств, освещает широкий круг явлений действительности, следуя именно "заинтересованной в документе" тематике, преимущественно: "на злобу дня" либо историзм. Таким образом, определяемая нами в функции классифицирующего качества весьма продуктивная связь беспристрастного разбора и индивидуального толкования, оказывается очевидным фактором, несколько "возвышающим" художественную документалистику над научным текстом. Несомненно, лишь стройное и слаженное сочетание аналитических и синтезирующих методов способно обеспечить нерушимое и тщательное постижение реальности, аследовательно, и обуславливает воспроизведение ее во всей безраздельности, глубине и разносторонности. Подобного рода установка явственно прослеживается в процессе олицетворения хроникальной событийности и в чеченской (на фоне северокавказской) прозе прошлого и нынешнего веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайтукаева, Б. Поззия света [Текст] / Б.Гайтукаева. – М.: Худож. лит., 2004. – 90 с.
2. Пономарев, Е. Россия, растворенная в вечности (Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции) [Текст] / Е.Пономарев// Вопр. лит. – 2004. – №1. – С. 84–111.
3. Зайцев, Б.К Киевская Русь: Исторический обзор [Текст] / Б.К.Зайцев. – Шанхай, 1949. – 220 с.
4. Кондаков, И. Наше советское "всё" (русская литература XX века как единый текст) [Текст] / И.Кондаков // Вопр. лит. – 2001. – №4. – С. 350–358.
5. Степанов, А.Н. Порт-Артур [Текст] / А.Н.Степанов. – М.: Советская Россия, 1978 – 608 с..
6. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М.Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с
7. Гусейнов, Ч.Г. Этот живой феномен: Советская многонациональная литература вчера и сегодня [Текст] / Ч.Г.Гусейнов. – М.: Сов. писатель, 1988. – 430 с.
8. Далгат, Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей [Текст] / Б.К.Далгат. – М.: Наука, 2004. – 240 с.
9. Дубин, Б. Риторика преданности и жертвы: вождь и слуга, предатель и враг в современной историко-патриотической прозе [Текст] / Б.Дубин // Знамя. – 2002. – №4. – С. 102–110.
10. Ломидзе, Г.И. Нравственные истоки подвига [Текст] / Г.И.Ломидзе. – М.: Советский писатель, 1985. – 208 с.